

2.2 О человеческой потребности локализации и конкретизации смерти

Историк стремится локализовать смерть. Но локализовать смерть стремится и следователь: «именно эти характеристики её обстоятельств — во-первых, временную, во вторых, пространственную — стремится установить следователь, производя дознание относительно обстоятельств „инцидента смерти“»⁷⁵, замечает французский философ Vladimir Jankélévitch.

Однако криминальный следователь и историк «локализируют» и «конкретизируют» факт смерти в совершенно различных целях, так что линии их реконструкций протекают, часто и не соприкасаясь друг с другом. Продемонстрировать это я хотел бы на примере убийства Льва Троцкого Рамоном Меркадером 21 августа 1940 г. в мексиканском городе Койоакан

Криминального следователя в событии убийства Троцкого интересуют только два вопроса — «кто?» и «почему?» (убил Троцкого). Те же самые вопросы ставит и историк. Но историк никак не может удовлетвориться ответами только на эти два вопроса. Ведь историк реконструирует события прошлого не в *криминальной*, а *исторической* перспективе. Именно поэтому его интересуют не только ответы на вопрос «кто и почему?», но также ответ на вопрос и о том, какие последствия убийство Троцкого имело на мировое коммунистическое движение и политическую ситуацию в СССР. Т. е. историк ставит перед собой такие вопросы, которые криминальный следователь, как правило, ставить никогда не будет.

---

⁷⁵ V. Jankélévitch. La Mort. Flammarion, 1977 — Владимир Янкелевич. Смерть. Пер. с франц. А. Е. Адриянова, В. П. Большаков, Г. В. Волкова, Н. В. Кислова — М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 1999. С. 5.

Историк воспринимает событие убийства Троцкого в более широких временных и пространственных рамках, потому что только таким путём он в состоянии выяснить не только исторические *причины*, но и исторические *последствия* этого события. Последние криминального следователя, как правило, не интересуют.

Следователи могут ещё интересоваться политические причины убийства Троцкого, но вот политические последствия этого убийства его, как правило, не интересуют. Это была бы, без сомнения, гротескная ситуация, если бы следователь начал слушателям излагать причины убийства Троцкого не с криминальной, а с историческо-политической точки зрения в семи теориях и пяти концепциях. Но необычной была бы также ситуация, если бы историк лаконично заявил, что факт убийства Троцкого «раскрыт», исторические «акты» по этой причине закрыты и новые интерпретации этого события абсолютно излишни. Хотя подобная трактовка прошлого являлась, и совсем недавно, реальностью. Её образным примером может служить «Краткий курс истории ВКП(б)», который чем-то напоминает «следовательские акты». Но современные слушатели бы такого «смещения ролей» никак не поняли.

Но речь здесь идёт, однако, не просто о смешении ролей, а о различных техниках «чтения следов»! Историк читает следы прошлого не так, как это делает криминальный следователь. Являясь родственными познавательными операциями, криминальное (рас)следование, всё-таки, отличается от исторического (ис)следования, хотя в обоих случаях речь идёт о «следовании следам». Но

(1) в отличие от следователя, историк не может «закрыть акты» прошлого. Сделать это ему не позволят его коллеги. Это только в уголовных актах прошлое может быть окончательно «раскрыто», но не в истории.

(2) В отличие от следователя, историк не ставит перед собой цели, «раскрыв преступление», поставить «виновных» перед судом, а он стремится *понять* мотивы человеческих действий и описать те структуры, в которых они осуществлялись;

(3) В отличие от следователя, историк рассматривает исследуемые им события как в контексте их «прошлого прошлого», так и их «прошлого будущего». И, наконец,

(4) в отличие от следователя, историк не в состоянии посетить лично место преступления и начать преследование по «горячим следам». Он не находится «рядом с трупами» умерших, не сталкивается со смертью непосредственно. И в этом его счастье и его беда!

Потому что такая отдалённость историка от «событийной жизни» оказывает своё негативное влияние на его исследовательскую работу.

Историк любит во всём строгий порядок. И, прежде чем он начнёт исследовать определённые феномены прошлого, он займётся вначале строгой классификацией и сортировкой своих источников. Однако эта склонность к строгому сортированию «следов прошлого» полезна лишь до того момента, пока она не стала «самоцелью» и не заслонила собой самих познавательных целей историка, которому полезно иногда напомнить о том, что

«ни наша >действительная жизнь<, которая, в конечном счёте, и является объектом нашего исторического познания, не протекает

изолированно — по источниковедческим областям —, ни >вещи< не существуют сами по себе»⁷⁶.

Слова эти, замечу, принадлежат профессиональному археологу Helmut Hundsbichler (Гельмут Хундсбихлер).

Историку, возможно, было бы совсем неплохо обратиться к опыту криминального следователя, который не стремится поделить, оставленные преступником источники на группы и классы, а использует ВСЮ, доступную ему, мозаичную информацию для того, чтобы реконструировать картину совершённого преступления. Следователь хорошо понимает, что преступник не оставлял свои «следы» по категориям и классам — «здесь» только письменные улики, а «там» только материальные следы.

Но, прежде всего, следователь никогда не заявит своему окружению: «Подождите с вашими трупами! Мне необходимо вначале выяснить, к какому виду / классу и группе источников относятся капли крови на стене...». Следователь стремится установить «факт смерти». Структуру последнего определяют координаты смерти: «имя, место и время». Без этих координат невозможно установить факта смерти, т. е. невозможно» локализовать» и «конкретизировать» смерть.

Надо сказать, что стремление человека «конкретизировать» и «локализовать» смерть, является его естественным стремлением. Человек стремится к конкретизации любой, даже безымянной смерти. По этой причине также смерть «неизвестного солдата» получила у нас свои конкретные

---

⁷⁶ «...weder läuft das >wirkliche Leben<, das ja letztlich unser Forschungsgegenstand ist, quasi getrennt nach Quellenbereichen ab, noch hat irgendein Quellenbereich eine Vorrangstellung, nach existieren >Dinge< für sich selbst oder aus sich selbst heraus». Hundsbichler, Helmut: Fremdes deuten. In: Spuren und Botschaften: Interpretationen materieller Kultur. Hg. v. Veit, U./Tobias, L./Kienlin, L./Kümmel, Ch./Schmid, S. Münster-New York – München – Berlin 2003, S. 516.

координаты. Для человека очень важно, чтобы и безымянная смерть оставила «след» в жизни.

Ведь даже в сказках мёртвые не исчезают бесследно, а «поселяются» в других мирах. В сказках «мир мёртвых может быть представлен в виде хрустальной (или стеклянной) горы или подводного царства, во главе с Водяным Царём»⁷⁷, замечает в своём интересном анализе образа смерти в сказках А. Малинов. В сказке даже Кощей Бессмертный, несмотря на то, что он *бессмертный*, имеет тайное «место смерти». Мифологически-сказочное мышление не акцептирует идею «не-бытия» или идею абсолютного исчезновения жизни. В нём жизнь не исчезает бесследно, а «переселяется» в *другой* мир.

Этот акт «переселения» венчает скорбный праздник «погребения прошлого», оставляющий после себя как *материальные*, так и *идеальные* «следы», которые придают смерти конкретное «лицо», делают её «следом прошлого». В этих следах *материализуется* или *опредмечивается* смерть. Однако *опредмечивание* смерти есть лишь «следствие» (опять следствие!) её *осознанного* восприятия человеком.

Без такого, *сознательного*, отношения к смерти, человек не стал бы оформлять её ни *эмоционально*, ни *материально*. Эти две различные стороны смерти, два её «элемента» — *материальный* и *эмоциональный* — несёт и сохраняет в себе любой памятник. Мы ощущаем это, находясь на кладбище в окружении молчаливых могил. Здесь нас не покидает ощущение, что мы находимся под *чьим-то* постоянным наблюдением. Мы спешим покинуть этот молчаливый мир неподвижных «образов смерти», но смерть, «всеприсутствуя» в настоящем, вовсе не торопится нас покидать.

---

⁷⁷ Малинов, А. В. Образ смерти в русской сказке // «ВЕЧЕ. Журнал русской философии и культуры» — С-Петербург, 1995 №3 — С. 172.